

Левенфельд Леопольд

**О духовной деятельности
гениальных людей вообще, и
великих художников - в частности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л47

Л47 **Леопольд Л.**
О духовной деятельности гениальных людей вообще, и великих художников - в частности
/ Левенфельд Леопольд – М.: Книга по Требованию, 2023. – 126 с.

ISBN 978-5-519-92772-7

ISBN 978-5-519-92772-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. О духовной дѣятельности гениальныхъ людей и объ отношеніи ихъ къ психопатологіи.

Вопросъ о сущности генія принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ психо-неврологіи. Быть можетъ, ни одна изъ задачъ нашей науки втеченіе послѣднихъ десятилѣтій не привлекала къ себѣ до такой степени вниманія всѣхъ образованныхъ людей. И это вполне понятно. Всѣ мы—сильные и слабые, богатые и бѣдные, ученые и профаны—пользуемся плодами творчества гениальныхъ людей. Мы живемъ и дѣйствуемъ въ вѣчныхъ, непреходящихъ лучахъ того свѣта, который исходитъ изъ ихъ великаго духа. На какія бы явленія нашей культуры мы ни взглянули—на искусства и науки, на промышленность и торговлю, на государственное устройство или организацію сношеній—вездѣ встрѣчаемъ мы дѣятельность гениальныхъ людей, какъ источникъ каждаго сколько-нибудь значительнаго шага впередъ. Факты эти, конечно, давно всѣмъ извѣстны, хотя не всѣми оцѣнены по достоинству; одного свидѣтельства этихъ фактовъ было бы, однако, еще недостаточно, чтобы возбудить также и въ болѣе широкихъ кругахъ интересъ къ изслѣдованію сущности генія. Широкой популяризаціи этого вопроса помогла пропаганда идеи, будто гениальность представляетъ изъ себя явленіе ненормальное, обусловленное болѣзненнымъ состояніемъ мозга—нѣчто вродѣ умственнаго разстройства. Идея эта и раньше имѣла своихъ защитниковъ; въ послѣднія десятилѣтія она, однако, была выражена съ безусловною, догматическою увѣренностью. Благодаря этому обстоятельству, изслѣдованіе гениальности сдѣлалось задачей медицинской психологіи, и даже, можно бы сказать—психіатріи. Ломброзо въ настоящее время считается главнымъ представителемъ вышеуказаннаго воззрѣнія, съ рѣзкой опредѣленностью выразилъ онъ его въ своихъ сочиненіяхъ „Геній и безуміе“ и „Гениальный человѣкъ“. Своими выводами онъ произвелъ необыкновенную сенсацію и

вызвалъ энергичную полемику. Представленіе, которое хочеть дать намъ Ломброзо о людяхъ, являющихся цвѣтомъ всего человѣчества, способно сильно принизить нашу человѣческую гордость и поколебать въ насъ чувство удовлетворенія культурнымъ развитіемъ. Если все, что мы должны считать основными факторами нашей культуры, если всякій прогрессъ въ нашихъ учрежденіяхъ, въ нашихъ знаніяхъ, съ трудомъ завоеванный втеченіе тысячелѣтій, не является плодомъ нормальной, все совершенствующейся дѣятельности, а продуктомъ болѣзненнаго состоянія, результаты котораго не могутъ быть расчитаны,—тогда способность человеческого духа къ дальнѣйшему развитію представляется очень сомнительною. Однако, факты встрѣчаемые нами во всемъ ходѣ исторіи говорятъ за то, что во всѣхъ успѣхахъ нашей культуры, нашихъ знаній, нашей продуктивности, можно констатировать связь съ предыдущимъ: новое всегда имѣетъ свои корни въ старомъ, пережитомъ. Такого рода связь, такого рода прогрессивное развитіе едва ли, однако, были бы мыслимы, если бы каждый значительный шагъ впередъ былъ просто продуктомъ патологической умственной дѣятельности. Впрочемъ, соображенія эти не могутъ и не должны мѣшать намъ подойти съ самою трезвою критикой къ изслѣдованію вопроса,—разъ онъ уже поставленъ: справедливо ли вообще мнѣніе, что гений со своимъ творчествомъ относится къ области патологии.

Въ послѣднее время, а отчасти уже и раньше, многократно дѣлались попытки опредѣлить сущность гения, — твердо установить тѣ духовныя особенности, которыя отличаютъ гения не только отъ средняго, но и отъ талантливаго человѣка. Раньше, чѣмъ коснуться этихъ попытокъ, мы должны разсмотрѣть, на какомъ вообще основаніи признается тотъ или иной человѣкъ гениальнымъ. Основаніемъ для признанія гениальности является исключительно творчество человѣка въ одной или нѣсколькихъ областяхъ такой духовной дѣятельности, результаты которой важны для всего человечества. Мы никогда не сочтемъ гениальнымъ человѣка, выдвинувшагося только своей физической дѣятельностью,—какъ бы удивительна она ни была; такъ же мало признаемъ мы гениальнымъ и того, кто не воплотилъ въ какомъ-нибудь твореніи свой духовный міръ,—какъ бы величественъ міръ его ни былъ. То же самое справедливо относительно того, кто

пользуется своими способностями для цѣлей, не имѣющихъ значенія для человѣчества. Такъ, мы не можемъ признать гениальнымъ замѣчательнаго шахматиста, выдающагося фокусника, мастера быстрого рисованія, поразительнаго счетчика, — несмотря на всю ихъ виртуозность. Однако, этимъ еще не достаточно характеризуется родъ дѣятельности, которая можетъ быть признана гениальною. Прежде всего можно было бы думать, что творенія гения должны отличаться отъ другихъ твореній въ той же области большимъ совершенствомъ; это, однако, не всегда справедливо. Если даже творенія гения часто отвѣчаютъ высшимъ требованіямъ и производятъ впечатлѣніе въ своемъ родѣ совершенныхъ, все же совершенство не является критеріемъ гениальности. Самое совершенное произведеніе, созданіе котораго основано на примѣненіи общепризнанныхъ правилъ и положеній, имѣетъ меньше основаній быть признаннымъ гениальнымъ, чѣмъ произведеніе, само по себѣ несовершенное, но основанное на примѣненіи совсѣмъ новыхъ принциповъ. Новое можетъ быть неудовлетворительно, и даже полно ошибокъ, и все-таки — нести на себѣ несомнѣнную печать гениальности. Гениальное произведеніе должно заключать въ себѣ нѣчто новое, нѣчто оригинальное. И это новое не должно вытекать изъ какой-либо причуды, или изъ влеченія къ странностямъ, какъ; напримеръ, какая-нибудь глупость моды; оно должно знаменовать цѣнный шагъ впередъ, крупное завоеваніе въ данной области.

Виды дѣятельности, заставляющіе насъ признать человека гениальнымъ, чрезвычайно разнообразны. Является, поэтому, мысль, что въ основѣ гениальности вообще могутъ лежать самыя различныя способности. Поэтъ и композиторъ, изслѣдователь въ области естественныхъ или отвлеченныхъ наукъ, государственный дѣятель и полководецъ, изобрѣтатель, художникъ — представляютъ огромное разнообразіе въ произведеніяхъ своей духовной дѣятельности; поэтому было бы а priori безнадежнымъ предпріятіемъ — ставить всѣ эти произведенія въ зависимость отъ одного и того же душевнаго качества. Этотъ вопросъ заставляетъ насъ прежде всего подвергнуть краткому обсужденію тѣ признаки, въ которыхъ видѣли сущность гениальности.

Главные воззрѣнія, подлежащія разсмотрѣнію, могутъ быть раздѣлены на 3 группы:

I. Одна группа авторовъ считаетъ гениальность просто за очень выдающуюся способность, такъ сказать — за высокую степень таланта (Зульцеръ, Ридель, Баумгартенъ, Гердеръ, Гальтонъ, Тулузъ, Мебиусъ и др.).

II. Другая группа авторовъ признаетъ характерными чертами гения оригинальность, творческую силу и творческую фантазію (Гагенъ, Мендельсонъ, Вейзе, Рэдстокъ, I. Бона, Мейеръ, Форель и др.).

Сюда же принадлежатъ взгляды Жерара и Канта. Первый авторъ считаетъ существенною чертою гениальности богатую и дѣятельную фантазію, которая, однако, должна быть подчинена твердой силѣ сужденія. Совершенный гений, по его мнѣнію, необходимо долженъ обладать извѣстнымъ равновѣсіемъ между фантазіей и силой сужденія. Кантъ *) послѣ различныхъ колебаній во взглядахъ на гениальность, пришелъ къ тому, что призналъ сущность гения въ образцовой оригинальности таланта (творчества). (Kant, *Anhängerologie in pragmatischer Hinsicht*).

III. Третья группа авторовъ думаетъ найти сущность гения въ тѣхъ или иныхъ особенностяхъ, проявляющихся въ его твореніяхъ: такъ — въ трудолюбіи (Ф. А. Вольфъ), въ полнѣйшей объективности (Шопентауеръ), въ полнѣшемъ безкорыстіи или любви къ предмету (Тюркъ).

*) Кантъ, втеченіе своей жизни многократно мѣнилъ свой взглядъ на гениальность, какъ это видно изъ интересной работы Шаппа (*Kant's Lehre vom Genie und die Entstehung der Kritik der Urtheilskraft*, Göttingen 1901). Такъ, передъ появленіемъ «Критики способности сужденія», онъ, между прочимъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Талантъ требуетъ наставленія, но гений въ немъ не нуждается, ему незначитъ обучаться искусству».

«Все, что принадлежитъ гению — врождено, и потому противоположно искусству. Гений — творческій талантъ, т. е. онъ создаетъ безъ всякаго руководства, безъ всякихъ правилъ.»

«Гений поэта, писателя не можетъ быть созданъ путемъ обученія. Можно, правда, пробудить генъ; но нельзя изъ таланта сдѣлать гения. Совершенно такъ же нельзя никого научить философіи; можно только пробудить въ человѣкѣ гений къ философствованію: тогда обнаружится, есть-ли у даннаго человѣка гений, или нѣтъ. Философія — наука гения». (*Schlapp*, S. 123 и. т.).

Здѣсь Кантъ, какъ мы видимъ, признаетъ гениальность въ области науки; позже онъ пришелъ къ тому, что ограничилъ гениальность областью искусства. Такъ, въ одной изъ своихъ лекцій по антропологии (см. *Schlapp*, 285) онъ замѣчаетъ: «Для гения нѣтъ никакихъ наукъ, и только искусства, такъ какъ всякая наука связана съ извѣстными правилами. Поэтому гений можетъ обнаружиться только въ искусствахъ, которые зависятъ отъ вкуса. Гений долженъ обладать способностью воображенія и сужденія, способностью одухотворенія и вкуса. Способность воображенія — творческое начало гения; она ограничивается способностью сужденія; способность одухотворенія есть начало, оживотворяющее съ помощью идей. Идеи — это представленія не могущія быть охваченными чувственнымъ выраженіемъ; главное свойство гения заключается въ оживотвореніи способности воображенія подобными идеями и т. д.»

Рядомъ съ этими опредѣленіями, которыя защищаются отдѣльными авторами съ помощью болѣе или менѣе вѣскихъ аргументацій, развились и распространились еще другія, болѣе популярныя воззрѣнія относительно сущности генія. Согласно имъ, сущность генія должна главнымъ образомъ усматриваться въ способности къ неумолимому творчеству, основанному на высшемъ вдохновеніи, и—въ пренебреженіи всякими правилами и шаблонами. Необузданность генія въ творествѣ, какъ и въ жизни, противопоставляется педантизму и трусливому охраненію всякихъ внѣшнихъ формъ со стороны филистеровъ. При этомъ, однако, принимается во вниманіе не столько образъ дѣйствій большинства героевъ духа на высотѣ ихъ развитія, сколько шумныя проявленія молодыхъ, еще не созрѣвшихъ геніевъ, такъ называемыхъ „геніевъ силы“, въ ихъ періодъ бури и натиска.

Недостаточность 3 группы воззрѣній легко можетъ быть доказана. Мы уже видѣли, что совершенство какого-либо произведенія, основанное на примѣненіи извѣстныхъ правилъ, еще не даетъ основанія для признанія произведенія геніальнымъ. Чтобы дать здѣсь примѣръ, можно напомнить удивительныя произведенія часового мастерства прежняго времени; мы вѣдь не можемъ смотрѣть на изобрѣтателей этого мастерства, какъ на геніевъ: они въ своихъ блестящихъ произведеніяхъ примѣняли, все-же, только извѣстные принципы. Но и самая совершенная объективность даже въ художественномъ творествѣ, которымъ Шопенгауеръ и Кантъ ограничиваютъ сферу геніальности, такъ-же еще не достаточна, чтобы сдѣлать произведеніе геніальнымъ. Даже если геній взглядываетъ въ жизнь глубже и воспринимаетъ явленія объективнѣе, чѣмъ талантъ и средній человѣкъ,—онъ, тѣмъ не менѣе, нуждается въ особой способности, чтобы воспроизвести воспринятое. И какъ можетъ объективнѣйшее воспріятіе внѣшняго міра объяснить намъ творенія музыканта? Какъ можно непосредственно связать объективность воспріятія внѣшнихъ явленій съ богатствомъ воображенія, совершенствомъ словесной формы, съ ритмическимъ теченіемъ рѣчи у нашихъ геніальныхъ поэтовъ? У нашихъ великихъ философовъ и поэтовъ, при равной, приблизительно, объективности пониманія, мы видимъ самыя огромныя различія въ формѣ выраженія: съ одной стороны—величайшая тяжело-вѣсность и безпомощность, съ другой—удивительное изя-

щество изложенія. Но и самозабвенное поглощеніе предметомъ, само по себѣ, еще не создаетъ геніальности. Мы видимъ, напр., очень многихъ людей, всю свою жизнь посвятившихъ музыкѣ и, тѣмъ не менѣе, не давшихъ въ этой области ничего геніальнаго. Такъ же мало можетъ вести къ геніальному творчеству одно трудолюбіе, хотя бы и самое упорное, если недостаетъ высшаго дарованія. Несомнѣнно, многія геніальныя творенія требуютъ неустанной работы и желѣзной настойчивости. И Моссо справедливо утверждаетъ, по крайней мѣрѣ, относительно наукъ и искусствъ, что ошибочно думать, будто геній безъ труда пожинаетъ плоды, которые другимъ достаются только въ потѣ лица. Трудолюбіе можетъ быть только однимъ изъ необходимыхъ условий геніальнаго творчества, но оно никогда не является его единственнымъ требованіемъ.

Несомнѣнно больше оснований имѣютъ тѣ воззрѣнія, которыя наиболѣе характерною чертою геніальности считаютъ оригинальность и творческую силу. Какъ ни разнообразны области проявленія геніальности, во всѣхъ истинно геніальныхъ твореніяхъ оба эти отличительныхъ признака выступаютъ передъ нами, и всегда вмѣстѣ. Одна оригинальность, какъ мы уже видѣли, еще не дѣлаетъ произведенія геніальнымъ. Последнее должно заключать въ себѣ высшую и долговѣчную цѣнность: оно должно явиться основною и исходною точкою для дальнѣйшаго движенія впередъ въ данной области. Для этого необходима способность, которую справедливо называютъ „творческой“,—способность, которая не только развиваетъ и строитъ дальше то, что начато другими, но и достигаетъ на новомъ пути своеобразныхъ результатовъ.

Многіе видятъ первоначальный источникъ геніальной дѣятельности въ творческой фантазіи. Это воззрѣніе опирается на тотъ фактъ, что для созданія извѣстной группы геніальныхъ произведеній, произведеній поэтическихъ, музыкальных, художественныхъ, дѣятельность фантазіи имѣетъ преимущественное значеніе; въ этихъ областяхъ геній долженъ отличаться легкостью творчества, а также богатствомъ и чувственною живостью создаваемыхъ имъ образовъ (представленій). Нѣтъ, однако, достаточнаго психологическаго основанія ограничивать творческую дѣятельность генія исключительно фантазіей, т. е. даромъ создавать изъ элементовъ чувственныхъ воспріятій новыя представленія, которымъ въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ.

Способность эта не является, даже у поэта, исключительнымъ источникомъ его творческой дѣятельности; хотя его творенія такъ охотно рассматриваются исключительно, какъ продуктъ его фантазіи. Поэтъ создаетъ не просто образы, которые говорятъ и дѣйствуютъ, любятъ и ненавидятъ; онъ дѣлаетъ свои образы представителями идей, являющихся созданіями самой трезвой дѣятельности разума, а не фантазіи. И онъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ истины, до которыхъ онъ дошелъ путемъ критическаго наблюденія дѣйствительности, и новыя глубокія мысли, являющіяся результатомъ долгихъ размышленій. Поэтъ нуждается, значитъ, для созданія своихъ гениальныхъ твореній, не только въ богатой фантазіи, но еще и въ другой способности; она также включаетъ въ себѣ творческій элементъ и, обыкновенно, обозначается, какъ *способность сочетанія*; это — способность дѣлать изъ данныхъ фактовъ новыя заключенія, не вытекающія изъ нихъ непосредственно, и потомъ — пользоваться этими выводами, съ увѣренностью распознавая въ разнообразіи и смѣнѣ явленій однородное и различное, существенное и несущественное. При поэтическомъ творествѣ, *способность сочетанія*, рядомъ съ творческой фантазіей, можетъ играть большую или меньшую роль; но послѣдняя, какъ у поэтовъ, такъ и у другихъ художниковъ, всегда должна быть руководима и управляема трезвою критическою дѣятельностью разума; это было уже указано *Жераромъ* и *Кантомъ*. И чѣмъ острѣе у художника сила сужденія, при богатой фантазіи, тѣмъ совершеннѣе будутъ созданныя имъ художественныя произведенія. Въ гениальномъ творествѣ въ области науки, политики, стратегіи творческая способность сочетанія играетъ, конечно, главную роль; дѣятельность же чистой фантазіи имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Было бы, однако, ошибкой думать, что выдающійся ученый, напримѣръ, естествоиспытатель можетъ совершенно обойтись безъ фантазіи; или, что значительное развитіе этой способности можетъ даже повредить его творчеству. Для ученаго требуется только другого рода фантазія, чѣмъ для поэта и художника: не та фантазія, которая въ свободномъ полетѣ создаетъ чудесные образы; фантазія его опредѣляется волей, и произведенія его отвѣчаютъ преслѣдуемой имъ цѣли. Съ другой стороны, нужно принять въ соображеніе, что у гения способность сочетанія, точно такъ же,

какъ и фантазія, можетъ проявляться помимо его воли не всегда необходимо сознательное усиліе, чтобы изъ данныхъ фактовъ дѣлать новыя заключенія. Способность сочетанія, проявляющаяся, повидимому, безъ участія воли, такъ сказать, свободно парящая, можетъ дать плоды, превосходящіе даже результаты напряженной умственной дѣятельности.

Третья группа вышеупомянутыхъ воззрѣній утверждаетъ, въ сущности, слѣдующее: гений обладаетъ только необыкновенно пышными умственными способностями, которыя въ качественномъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ умственныхъ способностей обыкновенныхъ людей. Это воззрѣніе можетъ быть согласовано со 2 группой воззрѣній. Творческая фантазія и способность сочетанія, обнаруживаемыя гениемъ, могутъ быть рассматриваемы, какъ простое усиленіе фантазіи и способности сочетанія, свойственныхъ таланту, а также и среднему человѣку. Этому воззрѣнію противостоитъ другое, которое до послѣдняго времени находило отдѣльныхъ представителей; оно видитъ сущность геніальности въ присоединеніи къ способностямъ, свойственнымъ всѣмъ вообще людямъ, какого нибудь исключительнаго дарованія. Это обособленное воззрѣніе заставляеть насъ нѣсколько ближе коснуться отношенія геніальности къ талантливости и къ среднимъ способностямъ.

По старымъ воззрѣніямъ, имѣвшимъ въ виду главнымъ образомъ поэтическую дѣятельность, геніальность представляеть своеобразную высшую духовную силу, которая не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенными человѣческими способностями; она является только у избранныхъ. На независимость и своеобразность этой духовной силы, повидимому, указывало многое: она проявляется только по временамъ; работа ея не поддается предварительному учету и совершается какъ бы помимо личности; значеніе произведеній превышаетъ тѣ цѣли, которыхъ возможно достигнуть путемъ сознательнаго волевого усилія. Во времена язычества боги, музы и гении-хранители надѣляли избранныхъ этою духовною силою, заставляли ихъ дѣйствовать и пользовались ими, какъ орудіемъ для откровеній *). Въ эпоху христіанства это стало

*) Уже Кантъ указалъ, что въ словѣ гений это воззрѣніе получило какъ бы постоянное воплощеніе. Слово гений происходитъ отъ латинскаго *genius* что первоначально значило духъ-хранитель.

задачей Св. Духа; и еще въ настоящее время нѣтъ недостатка въ авторахъ, которые видятъ источникъ геніальности въ чемъ-то сверхъестественномъ *). Однако, болѣе критическое изслѣдованіе геніальнаго творчества приводило, съ другой стороны, все больше и больше къ сознанию, что нѣтъ достаточнаго основанія признавать у генія высшую мистическую духовную силу; и что геніальное творчество обусловлено только чрезвычайнымъ усиленіемъ психической дѣятельности, свойственной среднему человеку.

Какъ это, такъ и противоположное **) воззрѣніе нашло уже въ 18 столѣтіи многихъ сторонниковъ. Первое воззрѣніе рѣзко выразилъ въ послѣдствіи *Шопенгауеръ*. Онъ замѣчаетъ относительно художника: „Преимущество генія передъ ними (остальными людьми) — только въ болѣе интенсивномъ и экстенсивномъ познаниі; это позволяетъ генію сохранить ту спокойную сосредоточенность, которая необходима для воспроизведенія познанныаго въ произвольномъ твореніи; такое воспроизведеніе и есть художественное твореніе“.

Къ этому взгляду *Шопенгауера* на художника въ новѣйшее время примкнули изъ медицинскихъ изслѣдователей *В. Гиртц* и *Тулузъ*, которые имѣли ввиду геніальность вообще. Первый изъ нихъ, послѣ долгихъ разсужденій, приходитъ къ слѣдующему выводу: геніальная дѣятельность, по своему существу, вообще никогда не отличается отъ дѣятельности обыкновенныхъ людей; суть ея — всегда лишь въ особенной напряженности психическихъ явленій. По мнѣнію этого автора, нельзя поэтому сказать, гдѣ кончается обыкновенное, и гдѣ начинается геніальное. *Тулузъ*, коснувшись вкратцѣ опредѣленія генія, говоритъ: „При всемъ томъ, различія, отдѣляющія ихъ (геніевъ) отъ толпы, — скорѣе въ степени, чѣмъ въ сущности, какъ справедливо замѣтилъ Séailles“; и онъ приходитъ къ заключенію, что геній — не что иное, какъ чрезвычайное „мозговое превосходство“ (*une extrême supériorité cérébrale*).

Рѣзкой границы между геніемъ и крупнымъ талантомъ онъ не можетъ найти.

*) Напр. *Нейттанъ* въ своемъ сочиненіи о *Рембрандтѣ*.

**) Изъ послѣдователей воззрѣнія, признающаго различіе по существу между геніемъ и талантомъ, здѣсь для 18 столѣтія названы только *Вольтеръ* и *Иоганнъ Ад. Шлегель*. Послѣдній авторъ замѣчаетъ въ одномъ трактатѣ о геніальности: «геній и талантъ различны. Таланты, конечно, научаются легкими и быстрыми шагами ходить по протореннымъ дорогамъ; но у нихъ нѣтъ способности прокладывать новые пути».

Однако, высказанныя *В. Гиршемъ* и *Тулузомъ* воззрѣнія далеко не получили общаго признанія; а въ послѣднее время, по поводу отношенія генія къ таланту, произошла достойная вниманія полемика между двумя выдающимися изслѣдователями, *Мёбиусомъ* и *Форелемъ*. Первый авторъ, согласно съ *В. Гиршемъ* и *Тулузомъ*, считаетъ талантъ лишь повышеніемъ способностей, свойственныхъ всѣмъ вообще людямъ; а геній онъ разсматриваетъ, какъ высокую степень таланта; такимъ образомъ, онъ не признаетъ рѣзкой границы между геніемъ и талантомъ. *Форель* же считаетъ геній и талантъ различными по существу; онъ находитъ даже мозговые особенности, указывающія на извѣстную противоположность между ними; онъ думаетъ, что воззрѣніе Мёбиуса находится въ противорѣчій, какъ съ общепринятыми взглядами, такъ и съ фактами. Уже изъ того обстоятельства, что есть лишенные таланта геніи, и, еще больше, — лишенные генія таланты, *Форель* хочетъ сдѣлать заключеніе, что геній не есть простое усиленіе таланта. „Создавать новое, т. е. производить новыя умственные сочетанія“, по мнѣнію *Фореля*, никогда и ни въ какомъ случаѣ не бываетъ способностью талантовъ; при этомъ онъ, однако, прибавляетъ, что талантливые и даже неталантливые люди могутъ по счастливой случайности открыть „новое“, какъ на примѣръ *В. Шваннъ* открылъ клѣточку. „Воспринимающій талантъ“, замѣчаетъ дальше *Форель*, „работаетъ увѣренно и легко, быстро ассимилируетъ большіе труды другихъ и перерабатываетъ ихъ *). Эта, больше воспроизводительная, дѣятельность требуетъ большого напряженія мозга и этимъ нерѣдко препятствуетъ, подобно такъ называемой гигантской памяти, развитію пластической способности сочетаній, т. е. фантазій. Геній-же, повинаясь какому-то инстинктивному влеченію, идетъ по труднымъ, самостоятельно пролагаемымъ путямъ“.

Однако, мысль — будто талантъ лишь воспринимаетъ, а геній, въ противоположность ему, производитъ — совершенно ошибочна. Нѣтъ геніальнаго творчества — въ какой бы то ни было области — которому не предшествовала бы стадія воспріятія.

Изъ ничего нельзя создать геніальнаго произведенія. Геній творитъ только изъ матерьяла, который онъ воспри-

*) Мы цитируемъ дословно.